

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. Тема памяти и способы её воплощения в повести М. Ефетова «Письмо на панцире» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75480 EDN: LRSRYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75480

Тема памяти и способы её воплощения в повести М. Ефетова «Письмо на панцире»

Октябрьская Ольга Святославовна

ORCID: 0009-0001-5443-2031

доктор филологических наук

профессор; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

[✉ svyatolga@yandex.ru](mailto:svyatolga@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75480

EDN:

LRSRYU

Дата направления статьи в редакцию:

06-08-2025

Дата публикации:

13-08-2025

Аннотация: В статье исследуется тема памяти и способы её реализации в повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире». Выявляются разные виды памяти: личная и коллективная, индивидуально значимая и социоориентированная, культурная, историческая и т.д. Исследуются различные способы реализации данной темы: в прецедентных именах (Александр Пушкин, Фёдор Шалляпин, Михаил Щепкин, Зиновий Соловьёв и др.), образах-символах (море, Артек, Аю-Даг, Адалары и т.д.), значимого предметного ряда, визуализации явлений, идей, крымских мифов и легенд и т.д. Выявляется архетипическая природа и роль авторского наполнения образов героев повести Ефетова, что приводит к важным морально-этическим постулатам. В данной работе актуализированы темы коммуникации в семье, дружеском коллективе,

личностных отношениях, а также проблемы, связанные с преодолением обид и восстановления дружеских связей во имя общего дела. Для осмыслиения данных аспектов в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей осмыслиения темы памяти и способов её реализации. Новизна исследования обусловлена своевременностью данной статьи, значимость которой обусловлена важностью поставленных проблем, а также актуальным для современного подростка и практически неизученным материалом исследования, коим является повесть М. Ефетова «Письмо на панцире». На примере данного произведения впервые исследуются тема исторической, культурной, нравственной памяти, заложенной как в истории знаменитого пионерского лагеря, в истории России, а также в истории человеческой цивилизации, прослеженной со времён античности до второй половины XX века. Сам детский лагерь осмыслен как хранитель и очевидец важных исторических событий, транслятор нравственных законов существования человечества, воспитатель нового поколения детей. Статья приурочена к столетнему юбилею Артека и восьмидесятилетию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Перспективой исследования становится дальнейшее осмыслиение темы памяти в произведениях, принадлежащих как крымскому тексту (творчество А. Гайдара, Е. Ильиной, Л. Кассиля и М. Поляновского и др.), так и каникулярной повести в целом (произведения Ю. Кузнецовой, Т. Михеевой и др.).

Ключевые слова:

подростковая повесть, крымский текст, Великая Отечественная война, Артек, мотив памяти, Марк Ефетов, каменный матрос, крымский миф, прецедентное имя, артефакт

Тема памяти, важности её сохранения так или иначе присутствует во многих произведениях русской литературы. Это и произведения на историческую тематику, отражающие прошлое мировой или отечественной истории, от романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» до современной исторической прозы, представленной произведениями, скажем, А. В. Иванова и др. Тема памяти также может быть основой проблемных произведений о современности, как, например, повести Ю. В. Трифонова, рассказы В. М. Шукшина, пьесы А. В. Вампилова и т.д. Детская и подростково-юношеская литература тоже актуализировала тему памяти в произведениях авторов разных временных периодов: А. П. Гайдара, А. Г. Алексина, Т. В. Михеевой и др.

Настоящая статья посвящена осмыслиению темы памяти, выявлению способов её реализации в детско-подростковой повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире» (1976). Заявленная проблема **актуализирована**, прежде всего, самим фактическим материалом, который был написан около полувека назад, но остаётся актуальным и для нынешнего времени. Это произведение малоизучено и нуждается в осмыслинии современным литературоведением. Кроме того, актуализировано это произведение еще и тем, что основным местом действия его становится Артек, детский пионерский лагерь в Крыму, который в этом году отмечает своё столетие. Книга Ефетова откликнулась на пятидесятилетие Артека, что тоже добавляет особых смыслов в проблематику повести. Магистральной темой, связанной с мотивом памяти, становится осмыслиение и Великой Отечественной войны как главного события XX века.

Вопросы, связанные с темой памяти о недавней истории, постижение важности данной проблемы для подрастающего поколения, размышление над итогами войны и памятью о

ней остается насущной проблемой для современного подростка. Своевременность и актуальность данного вопроса определена важностью выявления тех аспектов жизни ребёнка, которые способствуют не только его самореализации в семье, дружеском и школьном коллективе, но и выявлению личностных качеств каждого индивида, а также необходимостью формирования системы нравственных ценностей. Исследование темы памяти и отражение её в художественной литературе для детей имеет большую теоретическую и практическую значимость. **Теоретическая значимость** данной статьи обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования психологической и историко-культурной основы художественного произведения, рассмотрения проблем, связанных с реализацией в художественном произведении разных видов памяти – индивидуальной, культурной, исторической и т.д. **Практическая значимость** данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. **Теоретической базой** данной статьи стали фундаментальные труды философов, историков, литературоведов, а также работы современных учёных, занимающихся данной проблематикой. Так, еще в античности началось изучения феномена памяти и его влияние на человека, общество, науку. Философы XIX вв., к примеру, А. Бергсон [1], рассуждали о памяти как о важном личностном факторе, сохраняющем и передающем дальше важную информацию из прошлого, об эмоциональной составляющей такого рода впечатлений. Феномен надындивидуальной памяти актуализировался в трудах, например, П. Нора [2], который развивал идеи истории-памяти, и др. учёных. Проблему культурной памяти реализовывали такие мыслители, как, к примеру, Д. С. Лихачёв [3], Ю. М. Лотман [4], Я. Ассман [5], А. Ассман [6] и др. А реализацию в художественном творчестве мотива памяти, основанного на сопряжении памяти личной и коллективной, культурной и исторической, посвящены труды К. А. Сундуковой [7], О. В. Быстровой [8] и др.

Тема памяти становится лейтмотивной в повести Марка Ефетова «Письмо на панцире». Уже само название произведения выводит читателя на проблему памяти – долгоживущее пресмыкающееся несёт на своей спине послание нескольким поколениям, превращаясь в черепаху-почтальона. Однако данное произведение гораздо глубже приключенческой интриги о поисках особой черепахи и расшифровки надписи-послания в узорах её панциря. Тема памяти становится в повести магистральной и сюжетообразующей и связана она с основным местом действия произведения – известным пионерским лагерем. Именно Артек становится мифологическим, культурным, социально значимым и даже личностным центром повести. Кроме того, основные пространственные границы повести в основном сосредоточены на территории нынешнего Артека, хотя и несколько расширяются в синхронии за счёт упоминания мест жительства пионеров артековской смены, перенесения в ряде случаев места действия в Новгород, Севастополь, Ялту, Симферополь, Воронцовский дворец и т.д., где оказываются героями повести, а также пространственные границы расширяются за счёт обращения автора к диахронному плану, благодаря которому происходит погружение в иные исторические эпохи. Но всё же в центре внимания писателя – Артек, его обитатели, его истории и легенды, связанные с этой местностью. Писатель изображает три основных временных пласта (античность, дореволюционная история Артека, советский период), каждый из которых визуализирован в повести достаточно чётко и оригинально.

Несмотря на то, что данное произведение претендует называться проблемной советской повестью для подростков, самым древним времененным пластом в произведении Ефетова становится античность. В произведении воспроизведены две легендарные истории о

происхождении знаменитых крымских гор – Аю-Дага и Адалар. При этом обе легендарные истории вписаны в философский контекст. К примеру, легенда о братьях, одержимых гордыней, желающих завоевать сердца красавиц-сестёр силой и обманом, открывает проблему связи жестокости и насилия, мнимого торжества вседозволенности, использования злого умысла для удовлетворения мелочных низменных потребностей. Ефетов, выбирая *визуальный ряд* как доминирующий, меняет естественное движение времени – от прошлого к настоящему – на противоположное. Именно существующие в настоящем явления, к примеру Адалары и Медведь-гора, хранят не только память об античных временах, но и выстраивают парадигму нравственной ценностной шкалы: два важных для людей любой эпохи фактора – богатство и добродетель – встают в антитетичные отношения, при этом человеку дана свобода выбора, от которого зависит и его жизнь, и благополучие и жизнь окружающих.

Античный пример индивидуален – братья, получившие в дар от учителя волшебный костяной меч, предпочитают богатство добродетели. Но уже здесь звучит мотив ответственности перед окружающими за свой поступок – выбор братьев напрямую связан с судьбами двоих красавиц-сестёр. Они тоже совершают свой выбор – предпочитают свободу насилию, пусть и ценой жизни. Однако Ефетову важно показать, что за индивидуальным примером кроется социально-этическая закономерность. Эту легенду писатель напрямую связывает с дальнейшей мировой и российской историей, а деспотичные и безрассудные братья-разбойники встают в один ряд с фашистами. Философско-педагогическая идея получает прямую моральную оценку и выражается в авторской сентенции: «Много веков прошло с тех пор, но меч, поднятый для злого дела, никогда не приносил добра тому, кто его поднимал» [9, с. 28]. Ефетов выбирает символический образ поднятого для реализации злого умысла меча, который в русской истории получает дополнительные смыслы (ср. слова Александра Невского), и проецирует его на недавнюю историю: «Так произошло и с фашистами-гитлеровцами, которые первыми начали войну против нашей Родины» [9, с. 28]. Далёкие легендарные события находят оригинальное воплощение в событиях, которые в 1970-е годы воспринимались максимально остро – событиях Великой Отечественной войны, поэтому не только ассоциативная связь, но и память о недавней войне конкретизирована в определённых образах, ситуациях, эпизодах и носит предельно личностный характер (папа главной героини воевал в Крыму, защищая Артек и Севастополь). Одновременно далёкая античность сохраняет память о себе не только в легендах и явлениях природы, но и в уроках истории.

Писатель не ограничивается единичным примером и дублирует сходную идею и в легенде об Аю-Даге. Память об эгоизме Медведя-вожака, не желавшего отпускать воспитанную им певунью-плясунью в мир людей, закреплена не только в образе скалы, напоминающей пьющего воду Медведя, но и бурлящего моря рядом с этой скалой, символизирующего гнев зверя, теряющего добычу. И в этом случае противопоставлены эгоистические желания и собственнические чувства Медведя и стремления девушки обрести свободу и земное счастье в человеческом обществе. Таким образом, крымские горы становятся для автора повести не только оригинальными объектами природы, но и обретают легендарную основу, выходящую на философско-этические проблемы и реализующиеся в культурно-мифологической памяти Крыма. Физическое время (к примеру, античность) благодаря сохранению словесно-природных объектов памяти проецируется на весь дальнейший ход истории человечества и даёт важный урок современности.

XIX век становится еще одним значимым временным пластом как для культурной, так и

социально-исторической памяти. Здесь уже к мифам и природным явлениям добавляются прецедентные имена, артефакты, памятники и т.д. Так, с Крымом вообще и с Артеком в частности связана биография А.С. Пушкина, который предстаёт и автором романтической лирики, посвящённой Крыму и морю, и создателем поэмы «Бахчисарайский фонтан», и героем книги И. Новикова «Пушкин в изгнании», и философом-созерцателем, сумевшим не только увидеть красоту моря, гор, Крыма в целом, но и поэтически воплотить всё это в литературе. Визуализировать пушкинское слово и природные красоты и величие смог в произведениях живописи И. Айвазовский: «Томик Пушкина и картины Айвазовского рассказали ей о море» [9, с. 35]. Всё это создаёт культурный миф об уникальной личности Пушкина, творчество которого тесно связано с Крымским полуостровом, историей Артека и становится своеобразным культурным кодом XIX века, работающим с помощью цитат известных художественных творений, воспроизведения отдельных мизансцен, к примеру, диалоги Пушкина с татарином-древеском, объясняющим значение слова Артек. При этом сам автор проводит оригинальную ассоциативную цепочку – через картины И. Айвазовского, произведения Пушкина и их иллюстрации создаётся культурный миф о Крыме как чудесном волшебном райском крае. Именно таким является один из вариантов крымского мифа, с точки зрения С. О. Курьянова, который выделяет шесть вариантов крымского мифа [10]. Ефетов и эти события, и явления прошлого помещает в капсулу памяти, делая её актуальной и для второй половины XX века благодаря наращиванию смыслов и использованию исторической перспективы и проводит смелую аналогию между конкретной местностью, её возможностями и задумками человека. И здесь через пушкинский культурный код, реализуемый им в поэме «Медный всадник», можно увидеть творение рук человека: через сто лет пустынная изначально местность превратилась в «страну счастливых детей» [9, с. 36] или «королевство без короля и без подданных» [9, с. 144].

Через прецедентные имена, артефакты и объекты культурного наследия заявлены социально-идеологические проблемы дореволюционной России. Так, история актёра, основоположника русской актёрской школы М. С. Щепкина выводит повествование на социокультурный уровень, так как театральный талант этого человека и его актёрские способности оказываются прямо пропорциональны его социальному статусу. Ефетов сопоставляет два взгляда на данную проблему – западный и советский, показывая преимущества последнего. Если в СССР социальный статус – периферийный фактор, то в современной писателю действительности для западной идеологии, равно как и для России середины XIX века, – доминирующий. В этом случае мотив памяти становится смыслообразующим – талантливого артиста Щепкина граф Воронцов воспринимал через призму его социального статуса крепостного крестьянина, что способствовало тяжёлому уходу из жизни талантливого человека: «Щепкин был великим актёром, однако граф никогда не забывал того, что Щепкин крепостной крестьянин. Неласково принял его Воронцов в тот раз, и по дороге в Ялту Щепкин умер в тесной почтовой карете» [9, с. 79]. Культурная составляющая, заявленная в прецедентном имени, характеристике Щепкина-актёра, упоминании его двух портретов, отходит на второй план в отношениях с дворянином и замещается социальной, поэтому общение Щепкина и Воронцова с уровня актёр – меценат переходит на уровень крепостной крестьянин – граф. Именно эти смыслы хранят два портрета Щепкина – в Малом театре и в Воронцовском дворце – и проецируются одной из артековок иностранкой Джен на ситуацию в её собственной стране, наглядно сближая дореволюционную Россию и современный автору Западный капиталистический мир и показывая преимущество советского строя и советских нравственных ценностей перед западными. Таким образом, предметный ряд, поступок и его последствия сохраняют память о человеке, визуализирующейся в портретной

живописи, изображающей Щепкина, или архитектуре и фактуре дворца, демонстрирующих богатство и благополучие Воронцова, и проецируются на современную жизнь.

В определённый социокультурный контекст вписана память об оперном певце Федоре Шаляпине. Уже не портрет, а голос становится хранителем памяти о талантливом человеке, а визуальным воплощением этой памяти – Шаляпинская скала, которую богатая барыня подарила певцу. Сильный бас Шаляпина противостоит возможностям богатой сумасбродки, от чьего желания зависит в том числе и слава Шаляпина – она подарила знаменитому певцу принадлежащую ей скалу и тем самым увековечила память о нём.

Социально-историческая составляющая дореволюционной России выделяет два важных события XIX века – Отечественную войну 1812 года и Крымскую войну 1854-55 гг. Эти явления доходят до второй половины XX века в прецедентных именах – М. И. Кутузов и Л. Н. Толстой – и связанных с ними явлениях исторического наследия – памятниками.

Таким образом, дореволюционная история артековской местности уходит корнями в античность, где рождаются нравственные смыслы и берут начало моральные установки, которые позже наглядно реализовываются в крупных исторических событиях, творчестве и судьбах известных писателей, актёров, художников XIX века. Фактически это борьба за свободу, которая проходит лейтмотивом всей дореволюционной истории России.

XX век оставляет память о себе несколько иначе. Уточняется и лейтмотивная идея свободы, которая сопрягается с другим важным мотивом – правды, за которую так или иначе борются все герои повести. Основной хронотоп остаётся схожим – действие развивается вокруг Артека и основные события локализуются там, а временные границы охватывают основные события новейшей истории с 1925 по середину 1970-х гг. При этом акценты и смысловые точки тоже тесным образом связаны как с этим лагерем, так и с самой местностью южного берега Крыма, Симферополя и Севастополя. Локализация вокруг данного места, с одной стороны, сужает исторический фон повествования, а с другой – аккумулирует в себе основные вехи российской истории и откликается на все те проблемы, которые происходят как в стране, так и за рубежом, и сохраняют память о них. Для данного временного пласта весьма характерен социально-идеологический фактор, соединённый с романтической идеей ребячей республики, актуализированной в решении Совнаркома о передаче бывших дворянских владений детям. С помощью элементов космогонического мифа писатель выходит на проблему создания особой ребячей республики, решающей столь же важные и актуальные для определённой эпохи вопросы, что и страна в целом. Однако автор не всё отдаёт на откуп детям – знаковой остаётся фигура фактического основателя детского лагеря – Зиновия Петровича Соловьёва, не только выбравшего место для детского курорта с уникальным природным климатом, но и ставшего хранителем спокойствия и благополучия и защитником детей от социальных потрясений и природных опасностей. Соловьёв показан мудрым наставником, мужественным защитником ребят, готовым пожертвовать счастью детей собственным здоровьем, личным комфортом, даже жизнью. Композиционно такой альтруизм Соловьёва антитетичен эгоистическому и меркантильному взгляду из другой политической системы. Неслучайно автор сопоставляет климат Артека и Ниццы через призму социального фактора, так как «Ницца – город миллионеров. Артек – страна счастливых детей» [9, с. 36]. Ефетов вновь прибегает к публицистической риторике и сталкивает устами сенатора одной из передовых стран Запада хищническую философию, нацеленную на получение прибыли, с советской: «На этом, одном из лучших уголков

мира можно было бы построить столько пансионатов и всяких увеселительных заведений, что ваше советское министерство финансов косило бы доллары <...> не косой, а комбайнами, миллиарды долларов...» [\[9, с. 41\]](#). Вывод из этого сопоставительного анализа автор делает сам, не доверяя этого читателям: «Доллары и люди. Доллары и здоровье детей. Кому что дороже ...» [\[9, с. 41\]](#).

Интересной авторской инициативой стало вплетение в сюжет повести информации о важном артефакте, хранящемся на почте Артека, – одно из первых писем из этого пионерского лагеря, написанного неким воспитанником в 1920-е годы. Описанная дорога и само пребывание в лагере актуализируют гастрономическую тему – когда, где и чем угостили автора письма. Однако писатель не оставляет данную тему без объяснений и вкладывает их в виде домыслов и предположений в уста главной героини – младшего подростка Виты Яшковой. Она легко догадывается, что тогда, в 1920-е годы, счастьем для голодного ребёнка были вкусные блюда и сам режим питания, что находит подтверждение у вожатой. А само письмо становится важным историческим свидетельством, отражающим не только обстановку в стране, но и политику администрации лагеря, стремящейся скрасить повседневную жизнь ребёнка и подарить счастье.

Однако ключевым явлением XX века однозначно выбраны события Великой Отечественной войны, которые писателем представлены как решающие и поворотные для жизни не только Советского Союза, но и мира в целом. Память об этом периоде представлена на личном и общественном уровнях. Так, отец Виты воевал в Крыму, защищая Артек и Севастополь, а потом восстанавливал детский лагерь после освобождения Крыма от фашистов. Память об этих событиях реализуется в рассказах-воспоминаниях Ивана Павловича, впечатлениях от похода за черепахой-почтальоном, которые очень напоминают военные будни Яшкова. Визуальным свидетельством героической юности Ивана Павловича становятся висящий в шкафу бушлат и фуражка. Так, предметный ряд, ощущения человека, воспоминания ветерана оказываются хранителями памяти как личной, так и народной, и проецируются в будущее, которое не только отражает современные ему процессы, но и усваивает уроки истории и бережно хранит память о прошлом. К примеру, процесс преемственности между прошлым и будущим ярко продемонстрирован в памятнике девяти артековцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Память здесь не только визуализирована в своеобычном памятнике погибшим артековцам и в надписи на камне-памятнике, но и оригинально материализована: «Здесь никто никогда не бегает, громко не разговаривает, старается даже галькой не зашуршать. Если этой дорожкой идёт человек военный, он остановится, станет по стойке «смирно», приложит вытянутую ладонь правой руки к виску. А ведь он может быть тут один, совсем один. Но всё равно козырнёт – отдаст честь <...> Если вы никогда не были в Артеке и вам доведётся там побывать, вы поступите так же: отадите военную, гражданскую или пионерскую честь» [\[9, с. 137\]](#). Тишина, благоговение и отдаче чести представлены демонстрацией уважения к памяти павших и сохранения её. В этот ряд встаёт и поход артековцев по местам боевой славы, который открывает и другую сторону памяти – памяти не только о славе и богатырстве советского человека, но и о деяниях гитлеровцев. К примеру, найденные артековцами три проржавевших осколка от гранаты или обнаруженные сапёрами на месте лагеря одиннадцать снарядов, которые «закопали фашисты там, где до войны были детские спальни» [\[9, с. 31\]](#). Оксюморонное сочетание снарядов и детских спален повышает градус ответственности фашизма за преступления против человечества.

Сама Великая Отечественная война вписана в ряд оборонительных войн России. Так,

Вита вспоминает о посещении Новгородского исторического музея, где она увидела не только панцирь русского воина, сражавшегося на Чудском озере, но и размышляла о его храбости и патриотизме. Автор напрямую связывает события Крымской войны 1854-1855 гг. и первой обороны Севастополя с событиями 1941-1944 гг. Единым первом двух войн и двух севастопольских обороны, между которыми разница чуть меньше столетия, писатель справедливо называет патриотизм русского воина, готового даже после ранения идти снова в бой, безудержную храбрость, готовность жертвовать жизнью во имя правды и справедливости: «... сражённые матросы возвращались по ночам к своим. И к рассвету снова шли в бой <...> И слух прошёл среди врагов, что возвращались убитые матросы по ночам к своим. И снова дрались, хоть и кровь на них, и бинты, и раны...» [\[9, с. 19-20\]](#). Мистическая составляющая, мифологическая основа поступка такого рода не просто объединяет две войны, но и выстраивает исторический вневременной облик русского солдата, защитника родной земли.

Наиболее яркая реализация такого смысла заложена в легенде о матросе Соловьёве, в одиночку противостоящему многим гитлеровцам. Писатель использует сказочный дискурс и с помощью гиперболы и литоты воссоздаёт мизансцену боя Соловьёва с врагом: «Один против тысячи врагов <...> Соловьёва ранили в правую руку, но он левой противотанковые гранаты бросал <...> Один был, а поди ж ты, так бился, что наши отошли без потерь, а гитлеровцам пришлось по трупам своих же молодого пулемётчика брать» [\[9, с. 21-22\]](#). Смерть героя представлена в романтико-мифологическом ключе: перед выстрелом фашиста Соловьёв, связанный, избитый и израненный, сумел прыгнуть со скалы в море. Память о подвиге русского матроса визуализирует писатель с помощью оживления природы, парцеляции, детализации: «Волны самую вершину скалы захватывали. Шипели. Рычали. Кипели, как в раскалённом котле <...> С грохотом скальные глыбы падали в море. А наутро посмотрели фашисты на ту скалу и, ужаснувшись, повернули – и бегом от берега. Не скала из моря высилась, а шёл на них, раздвигая волны каменной грудью, тот матрос <...> Убитый матрос скалой стал и шёл на фашистов» [\[9, с. 25\]](#). Миф о каменном матросе проходит лейтмотивом через всю повесть – загадка, интриговавшая матросов и местных жителей в годы войны, не разрешена и после её окончания, но исчезновение Соловьёва даёт читателю и героине надежду на благополучный исход ситуации – никто не нашёл тела матроса Соловьёва. Писатель не просто привлекает внимание юных читателей, но и сохраняет в их памяти героическую историю и побуждает к поисковым работам, воспитывая уважение к защитникам страны и гордость за их подвиг.

Ефетов не может остановиться на одном эпизоде, ему обязательно нужен еще один. Поэтому поиски следов матроса Соловьёва пересекаются с поисками черепахи-почтальона, которая, по местной легенде, несёт на своей спине важное послание будущим поколениям. И если судьба Соловьёва остаётся неизвестной, то черепаху героя находят, а та надпись, которая вырезана у неё на панцире, становится воплощением памяти прошлого и заветом будущему: «Трусам – презрение. Пионерам – победа» [\[9, с. 157\]](#).

Таким образом, знаменитый пионерский лагерь представлен детским центром Советского Союза, активно участвующим в жизни государства и откликающимся на все проблемы и нужды страны и бережно хранящим память о разных исторических периодах. Писателю важно показать, что даже в разные исторические периоды нравственная шкала должна быть единой и отвечать общечеловеческим ценностям.

Тема памяти в повести М. Ефетова реализуется с помощью предметного ряда, визуализации определённых явлений, обращения к мифологическому и культурному кодам, прецедентным именам, мемуаристике и т.д.

Библиография

1. Бергсон А. Материя и память / Пер. с фр. А. Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск: Харвест, 1999. С. 413–668.
2. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-150.
3. Лихачёв Д.С. Искусство памяти и память искусства // Лихачёв Д.С. Прошлое-будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 63-70.
4. Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614-621.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
7. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова). Дисс ... канд. филол. наук. Самара, 2018. 217 с.
8. Быстрова О. В. Тема литературной памяти в последнем романе И. С. Шмелёва // Проблемы исторической памяти и творчество И. С. Шмелева / Отв. ред. Быстрова О.В. М.: Директ-Медиа, 2022. С. 161–170.
9. Ефетов М. С. Письмо на панцире. – М.: Детская литература, 1976. 160 с.
10. Курьянов С. О. "Тайный ключ русской литературы": формирование и становление крымского текста в русской литературе X-XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2023. 311 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена теме памяти и способам её реализации в детско-подростковой повести Марка Семёновича Ефетова «Письмо на панцире» (1976). Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что, с одной стороны, «вопросы, связанные с темой памяти о недавней истории, постижение важности данной проблемы для подрастающего поколения, размышление над итогами войны и памятью о ней остается насущной проблемой для современного подростка», с другой стороны, повесть «Письмо на панцире» «малоизучена и нуждается в осмыслиении современным литературоведением».

Теоретической базой научной работы послужили труды по культурной памяти и особенностям реализации темы памяти в художественном творчестве. Библиография состоит из 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержит требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод; герменевтический анализ художественного текста; методы социокультурного и интертекстуального анализа и др.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи.

Отмечается, что «в центре внимания писателя – Артек, его обитатели, его истории и легенды, связанные с этой местностью», «писатель изображает три основных временных пласта (античность, дореволюционная история Артека, советский период), каждый из которых визуализирован в повести достаточно чётко и оригинально». Это две легендарные истории о происхождении знаменитых крымских гор – Аю-Дага и Адалар; картины Айвазовского, произведения Пушкина и их иллюстрации; история актёра М. С. Щепкина, основоположника русской актёрской школы; память об оперном певце Федоре Шаляпине; Отечественная война 1812 года и Крымская война 1854-55 гг. («дореволюционная история артековской местности уходит корнями в античность, где рождаются нравственные смыслы и берут начало моральные установки, которые позже наглядно реализовываются в крупных исторических событиях, творчество и судьбах известных писателей, актёров, художников XIX века»), события Великой Отечественной войны («предметный ряд, ощущения человека, воспоминания ветерана оказываются хранителями памяти как личной, так и народной, и проецируются в будущее, которое не только отражает современные ему процессы, но и усваивает уроки истории и бережно хранит память о прошлом»). В результате исследования установлено, что «тема памяти в повести М. Ефетова реализуется с помощью предметного ряда, визуализации определённых явлений, обращения к мифологическому и культурному кодам, прецедентным именам, мемуаристике». Автор(ы) заключают, что «писателю важно показать, что даже в разные исторические периоды нравственная шкала должна быть единой и отвечать общечеловеческим ценностям».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в решение современных проблем, связанных с реализацией в художественном произведении разных видов памяти – индивидуальной, культурной, исторической, а также с изучением творчества Марка Семёновича Ефетова. Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях, в учебном и воспитательном процессе.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».